

она въ поэтѣ. Люциферъ у Бэли нисколько не похожъ на Гётева Мефистофеля, отрицателя и демократа; это и не Мефистофель-пессимистъ, котораго мы видѣли у Ленау. Люциферъ ближе къ дьяволу у Марло. Онъ преклоняется предъ божествомъ и съ горестью вспоминаетъ о своемъ паденіи. Потому въ послѣдней сценѣ и его, согласно съ идеализмомъ молодого поэта, коснулось всепрощеніе Творца. По временамъ онъ говоритъ какъ богословъ, и, постоянно поучая Феста, является чѣмъ-то въ родѣ главнаго ментора. Въ рѣдкихъ случаяхъ онъ остается вѣренъ сложившемуся типическому характеру дьявола, какъ въ той сценѣ, гдѣ онъ говоритъ Фесту, что жизнь — все, а смерть — химера, что хотя знаніе и покупается невинностью, но въ экономіи природы добро и зло безразличны. Фестъ возражаетъ, что наука стремится и зло обратить на пользу; въ этой задачѣ — крестъ и вѣнецъ мыслителя; онъ надѣется, что настанетъ время, когда всѣ силы природы и человѣка будутъ служить только добру. Люциферъ насмѣшливо указываетъ на неосновательность и бесполезность подобныхъ утопій. Въ общемъ же, мы въ лицѣ его встрѣчаемъ раздвоенное въ умозрѣніи сознаніе поэта; этотъ взглядъ современнаго человѣка на принципъ зла мы встрѣчали уже въ крупнѣйшихъ произведеніяхъ предшественниковъ. Поэтъ иногда влагаетъ въ уста Люцифера свои собственныя чувства, напр. благочестивую скорбь о грѣховности людей, которую только слегка прикрываетъ ироніей. Неустановившійся еще образъ мыслей ведетъ къ противорѣчіямъ: то мы видимъ аскетическое презрѣніе къ мірскимъ радостямъ; то властолюбіе и желаніе мірскаго счастья посѣщаютъ душу Феста. Далѣе, Фестъ вступаетъ въ длинный разговоръ съ молодымъ студентомъ, и разсуждаетъ съ нимъ о разныхъ отвлеченныхъ вопросахъ; онъ совѣтуетъ ему не жалѣть о тѣхъ часахъ, которые, будучи посвящены наукѣ, „созидаютъ духовную жизнь, но разрушаютъ тѣлесную“. Юношѣ, который хочетъ познакомиться съ жизнью столицы, Фестъ говоритъ: „Не для того-ль, чтобъ поклоняться ложному блеску, чтобъ презирать человѣчество? Подобно дѣтямъ міра, шутить величайшими истинами, узнать разладъ между умомъ и сердцемъ, и гнаться за остроуміемъ вмѣсто мудрости? Таковы пути міра: онъ учитъ насъ терять въ толпѣ то, что послѣ тщетно силится обрѣсти одни и когда толпа насъ оставить: нашу невинность“. Хотя онъ и называетъ большой городъ тѣмъ полюсомъ, въ кругѣ котораго вращается міръ, и гдѣ, какъ на циферблатѣ, каждый шагъ, который сдѣлаетъ время, вносится въ книгу, онъ все-таки, въ тонѣ благочестиваго назиданія, высказываетъ сожалѣніе о томъ, что „въ юношествѣ жи-